

Это личное!

Ирина Кавинская Каникулы

Лето твоих страхов

Ирина Кавинская

Каникулы

Серия «Это личное!»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/63891241>

Каникулы / Ирина Кавинская: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-121257-5

Аннотация

<p>Сестры-двойняшки Рая и Катя приезжают в студенческий лагерь в Южной Корее, не подозревая, что попали в общину деструктивной секты. Когда секта затягивает Катю, Рая пытается спасти сестру, но вступает в неравную схватку, даже не догадываясь о том, что они обе оказались в этом лагере неспроста.</p>

Содержание

Пролог	5
Накануне	6
День первый	20
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ирина Кавинская

Каникулы

Серия «Это личное!»

© И. Кавинская, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

В спертom воздухе палаты все еще отчетливо ощущался тяжелый запах крови. Его не могли перебить даже пары спирта, настолько едкие, что, едва войдя, я зажмурилась. Я впервые оказалась наедине с Ним. Он спал, но я знала, что скоро наконец посмотрю в Его глаза. Он откроет их, чтобы увидеть меня.

Моя мать едва не убила Его. Моя мама. Почему так трудно теперь называть ее так? Мама. Она ведь ни в чем не виновата. Виноват только Он. Но я спасла Его. Знает ли Он об этом?

«Пастор читает души. Ему известно все».

Если так, то лучше мне не смотреть в Его глаза. Только этого уже не изменить. Веки на обескровленном лице задрожали и сморщились. По спине пробежал холодок. Я увижу его прямо сейчас. Тот самый взгляд, которым Он смотрел на меня с портрета в последний раз. Взгляд голодного паука.

Накануне

Самолет затрясся, и тофу, предложенный корейскими авиалиниями на обед, разом поднялся из желудка, горечью подступив к горлу.

– Уважаемые пассажиры, наш полет проходит в зоне турбулентности, – послышался бодрый голос бортпроводницы. – Просим вас оставаться на местах и пристегнуть ремни безопасности.

Следом одна из стюардесс, молоденькая корейка с непроницаемой восточной улыбкой на кукольном личике, прошла по салону. Она остановилась у моего кресла.

– Гвенчансымникка? – обратилась она ко мне, видимо заметив мое перекошенное лицо, и тут же повторила вопрос по-английски: – Ар ю окей?

– Гвенчанае, – ответила за меня Катя, и замок ремня безопасности защелкнулся у меня на поясе.

Как хорошо иметь старшую сестру! Особенно сестру-двойняшку.

Стюардесса с сомнением взгляделась в мое лицо, но я энергично кивала, подтверждая Катины слова о том, что со мной все в порядке. Напрягая шею, я кивала, изо всех сил стараясь сдержать тошноту. Со стороны это, наверное, походило на нервный тик, но стюардесса не задавала больше вопросов, переключившись на пару пожилых корейцев, играв-

ших в карты на соседнем ряду.

– Чего трясешься? – пихнула меня в бок сестра. – Сказали же – всего лишь турбулентность. Мы же не падаем!

В этот момент сердце ухнуло, а внутренности из живота разом подпрыгнули и вжались в грудную клетку – самолет провалился в воздушную яму. Я закусила губу и посмотрела на Катю: «Ты в этом уверена?»

– Ну конечно! – Как обычно, она поняла меня без слов. – Посмотри на них, страха ни в одном глазу!

Она кивнула в сторону сидевших по другую сторону прохода: мужчина как ни в чем не бывало тасовал колоду карт, а женщина раскладывала откидной столик, который полминуты назад убрала по просьбе стюардессы. Внутри всколыхнулось раздражение – неужели сложно в такой ситуации следовать просьбам экипажа? – но всего на секунду. Самолет дернулся и закачался, как будто неведомая сила толкала его то в один, то в другой бок. Картежники подняли откидной стол и взялись за руки.

– Пока не выпали кислородные маски, еще не конец! – шепнула сестра, посмеиваясь.

Она не ждала ответа, зная, что от страха я замыкаюсь в себе и из меня слова не вытянешь. В этом мы с Катей похожи. «И что я только забыла в этой Корее? – думала я. – Последний месяц летних каникул, универ не за горами – уж лучше бы в Турцию какую-нибудь! Три часа, и мы там – уже на пляже бы валялись...»

От кондиционера веяло неприятным холодом, но, сколько я ни щелкала выключателем, струя сухого и ледяного воздуха продолжала дуть прямо в лицо. Выглянув в проход между рядами, я поискала глазами стюардессу, но она уже вернулась в отсек для экипажа в центре салона. Вдруг самолет пошел мелкой дрожью, а потом задергался, подпрыгивая то вверх, то вниз. Стюардесса быстро уселась на откидной стульчик, пристегнулась, а потом закрыла глаза и беззвучно зашевелила губами. Кондиционер больше не волновал меня – похолодело все внутри.

Я вцепилась в подлокотники и вперила взгляд в откидной столик. «Спасательный жилет под вашим креслом» – гласила надпись с правой стороны от механизма защелкивания. Осознав ее значение, я пожалела, что понимаю корейский. Как хорошо было бы сейчас смотреть на буквы хангыля – корейского алфавита, – как тогда, когда я еще не знала этого языка. В рисунке стройных, как бамбуковые стебли, букв – никакого смысла, только умиротворение. Самолет вновь тряхнуло, и я едва не впечаталась лбом в злополучную надпись.

Мы с Катей наполовину корейки. Наша мама родилась в семье переселенцев с Корейского полуострова, заброшенных в СССР волной эмиграции в первой половине двадцатого века. Всю жизнь она прожила в Москве, здесь же встретила папу и вышла замуж.

Мама побывала в Корее лишь однажды, двадцать лет назад, когда ее как потомка этнических корейцев пригласили

в молодежный лагерь «Лидеры новой Азии». Побывав там, Азии мама навсегда предпочла Европу.

Теперь в этот лагерь направлялись мы с сестрой.

Катя получила письмо с приглашением вскоре после того, как объявили результаты международного экзамена по корейскому языку ТОПИК, который курирует посольство Южной Кореи. Мы обе сдали третий уровень из шести, но результат Кати был лучшим из всех сдававших. Посольство решило поощрить ее поездкой в лагерь, а меня пригласили за компанию.

От радости мы наварили целую кастрюлю рамена, так что запах корейского доширака стоял по всей квартире, и объедались им до вечера. А потом пришла мама.

– Каждый год кто-то сдает ТОПИК, – резюмировала она. – Каждый год кто-то становится лучшим. Я не вижу причин для эйфории. И я не вижу причин оставлять в раковине такую гору посуды, – а потом обратилась ко мне: – Рая, ты ведь тоже сдала?

– Да, но у меня только семьдесят пять процентов, – ответила я.

– Семьдесят пять – прекрасный результат, – улыбнулась мама.

Она улыбалась искренне, и это было ужасно. У меня снова возникло щемящее чувство, как будто я – памятник, водруженный на чужой пьедестал.

Всякий раз, когда мама принижала Катины успехи, мне

хотелось провалиться сквозь землю. И всякий раз я удивлялась, почему сестра молчит? Почему не скажет прямо все, о чем думали мы обе? Но и я молчала. И даже папа. Никто из нас не мог произнести ни слова под пристальным немигающим взглядом матери.

Самолет вдруг подпрыгнул и ухнул вниз, так что заложило уши. Это вернуло меня к реальности, я стиснула подлокотники, но влажные ладони скользили. Повернув голову, я взглянула на сестру и не поверила глазам: Катя тихо посапывала в соседнем кресле. Для двойняшек мы слишком разные. Мы и внешне-то похожи друг на друга не больше, чем любые другие родные сестры. Катя – копия мамы, настоящая корейка. Маленькая, хрупкая, с фарфоровой кожей и узким лицом. Я – хоть и темноволосая, но скуластая, да еще и с крупным папиным носом. Обычно те, кто не знаком с моей семьей, и не догадываются, что у меня корейские корни. Поэтому я не удивилась, когда на входе в самолет проводницы поприветствовали нас с сестрой на разных языках.

Не трясло уже по меньшей мере пару минут, и, когда погасло табло «Пристегните ремни», я наконец выдохнула, а тело разом обмякло, распластавшись в кресле. Как по команде проснулась Катя и сразу достала ноутбук. Из ее наушников зазвучали бодрые ритмы кей-попа, а на экране запрыгали в немислимых сценических кульбитах звезды всея Азии – корейские «айдолы» «Би Ти Эс».

Минуту спустя вокруг кипела жизнь. Корейцы – а их на

нашем рейсе было большинство – вставали с кресел, разминая ноги, вызывали стюардесс, требуя кто воды, а кто и спиртного, и бурно обсуждали пережитое, перемежая речь излюбленными «Айгу!» и «Ащц!», которые выражают крайнюю степень любых чувств. Очередь в туалет протянулась через весь салон.

Наш рейс задержался на два часа, и, когда самолет шел на посадку в международном аэропорту «Инчхон», уже спустились сумерки. Город внизу раскинулся огромной паутиной огней.

В зале прилета нас встретил мужчина лет сорока – таких здесь называют аджосси – дядечка. Он держал в руках табличку с нашими именами, написанными буквами хангыля. Получилось что-то вроде «Кадерина и Раиса Комыллеба». Моя фамилия Комлева. Хорошо, что особенности местного произношения не сказались на имени, – весь ближайший месяц мне предстояло слышать его от корейцев.

В ответ на наше приветствие встречавший несколько раз отрывисто поклонился и быстро зашагал к выходу. Никаких дежурных вопросов из серии «Как прошел ваш полет?» Что ж, в Корее принято, чтобы инициатива в общении исходила от старших, поэтому мы молча пошли следом.

На парковке он погрузил наши чемоданы в черно-серый мини-вэн «киа», пока мы размещались внутри.

– Извините, а сколько нам ехать? – спросила Катя по-ко-

рейски, когда он уселся в водительское кресло.

Аджосси сверкнул взглядом в зеркале заднего вида:

– Четыре часа.

– Так долго! – не удержалась я, но он не ответил.

Мы выехали со стоянки.

– А мы будем проезжать через Сеул? – спросила Катя, та-
ращась по сторонам.

– Нет, – отрезал он.

Сестра разочарованно поджала губы. За окном, вдали от трассы, в сгустившихся сумерках выростало яркое скопление огней – это, конечно, и был Сеул. Там ждали вожде- ленные Мендон, Намдемун и всемирно известный теперь Каннам. Но мы ехали мимо. Полосы света от придорожных фонарей скользили по лицу, а веки медленно слипались.

Я проснулась, вздрогнув всем телом, и, схватив ртом воз- дух, захлебнулась собственным дыханием. Секунду спустя глаза адаптировались к темноте, и я увидела сестру. Она спа- ла на соседнем сиденье.

Ощущение провала во времени заставило напрячься, и я принялась судорожно шарить в сумке в поисках телефона, когда заметила цифры, светившиеся на приборной панели зеленым неоном: 23:05. Мы провели в пути уже больше че- тырех часов. Во рту пересохло. Я нащупала в сумке бутылку воды и отхлебнула глоток.

Мини-вэн ехал медленно, но то и дело подпрыгивал,

как будто дорога была изрыта выбоинами. Прислонившись вплотную к стеклу, я попыталась разглядеть в окружавшем нас мраке хоть что-то. Черные деревья высокой стеной. Лес.

В этот момент машина затормозила и проснулась Катя.

– Приехали? – спросила она меня, протирая глаза, а затем повторила вопрос по-корейски, обращаясь уже к водителю.

– Да, – кивнул он.

Но никакого лагеря я не видела. Нас окружал лес. И темнота.

– Дальше дороги нет, нужно идти пешком, – сообщил аджосси.

Мы с сестрой переглянулись. Катя ответила на мои мысли:

– Это лагерь, стилизованный под традиционную корейскую деревню. Логично, что он не в центре Сеула.

«Не в центре Сеула» – мягко сказано. Хорошо бы понимать, где мы.

– А где мы находимся? – озвучила мои мысли сестра. – Что это за местность?

– Чолланам-до, – ответил он. – Провинция Чолланам.

Катя достала телефон, но гугл-карты не загружались – сети не было.

– Далеко еще до лагеря? – спросила я.

Вопрос – попытка самоуспокоения, ведь независимо от ответа, придется верить ему на слово.

– Не больше часа ходьбы, – ответил наш провожатый и вышел из машины.

Мы с сестрой снова переглянулись: не похоже, чтобы он шутил.

Живот предательски заурчал, когда я выбиралась из мини-вэна. Катя пошарила по карманам рюкзака:

– У меня только конфеты, которые давали в полете. Надо было взять каких-нибудь снеков в аэропорту.

Я махнула рукой:

– До места бы добраться.

– Луна! Какая огромная! – Катя указала на небо.

Действительно огромная и ярко-желтая, как мощный прожектор. Непроглядный мрак, который еще пару минут назад я видела из окна машины, казалось, расступился.

Вдруг пронзительный визг, раздавшийся откуда-то сверху, заставил меня вздрогнуть. Мгновение спустя быстро захлопали крылья. Ночная птица. Катя успокаивающе погладила меня по плечу: «Здорово, что мы вместе».

Дорога и правда обрывалась там, где остановился мини-вэн. Дальше вела тропа, которая терялась, углубляясь в лес. Аджосси достал из багажника наши чемоданы и поставил на землю перед нами. Похоже, нас ожидал не самый легкий путь.

Наш провожатый быстро зашагал по тропе, а мы, подхватив вещи, поспешили за ним. Катин багаж был вдвое больше моего, и – готова поспорить – она пожалела об этом уже в самом начале пути. Тропа была изрыта корнями, колесики то и дело застревали, приходилось либо нести чемодан в ру-

ках, либо тащить волоком.

Мы обе быстро выдохлись: сказывалась усталость от полета и голод, однако аджосси и не думал замедляться. И вот ведь странно, стоило нам отстать, как мрак леса сгущался вокруг. Лунный свет будто следовал за нашим проводником. До тех пор пока мы наступали ему на пятки, глаза различали каждый сучок на десяток метров вокруг, но стоило ему уйти вперед, как темнота подступала к нам с сестрой, окружая тревожными звуками ночного леса.

Подгоняемая страхом, я стремилась держаться как можно ближе к нему. До того момента, как оттянутые чемоданом руки и ватные ноги напомнили о времени: мы шли уже гораздо больше часа.

Я оглянулась на Катю и заметила, что она отстала. Сестра ковыляла, перетаскивая чемодан рывками с одного места на другое. Она удерживала его одной рукой, а во второй светился экран мобильного.

– Уже полпервого ночи! – прошептала она, поравнявшись со мной. – Где этот долбаный лагерь? Куда он нас тащит?

Мне тоже хотелось это знать.

Аджосси, от которого мы отстали уже на пару десятков метров, вдруг остановился и повернулся к нам.

– Если что, – быстро зашептала Катя, – бросай вещи и беги.

– Что?! Куда?

– Я говорю, если он нападет, бежим в разные стороны. И

не трать силы на крики – здесь никто не услышит!

По спине пробежал холодок: неужели она и правда думает, что он...

Эту мысль оборвал яркий свет фонаря, прорезавший темноту за его спиной. Затем послышался звонкий голос, поприветствовавший нас по-корейски. От осознания, что голос женский, от сердца отлегло.

– Ну наконец-то, девочки мои, как вы, должно быть, устали! – заговорила женщина.

Среди вкрадчивой тишины ночного леса ее высокий голос резал слух.

– Меня зовут Ли Жи Хе, я администратор лагеря. – Женщина поклонилась, приблизившись к нам. – Зовите меня Жи Хе или просто онни.

Онни – с ударением на второй слог – так корейские девушки называют старших сестер и близких подруг старшего возраста. На вид ей было лет тридцать, а значит, она вполне могла бы быть нашей онни, но язык не поворачивался назвать абсолютно незнакомого человека так же, как я с детства привыкла – хоть и в шутку – называть сестру.

К тому же мне понравилось ее имя – Жи Хе. По-корейски оно созвучно слову «мудрость». А фамилия Ли, традиционно предшествующая имени, делала его мелодичным, по-настоящему женственным. Вот только ей совсем не шло это имя. Худая и слишком высокая для кореянки, она двигалась немного неуклюже, как будто не вполне уверенно управля-

лась со своими чересчур длинными конечностями.

Мы поклонились в ответ и назвали наши имена. Аджосси, до сих пор стоявший рядом, вдруг зашагал прочь – туда, откуда мы пришли. Чжи Хе не обратила на это никакого внимания.

– Прекрасно, прекрасно, – вновь заговорила она, освещая дорогу фонарем и увлекая нас за собой. – Мы уже почти на месте. Сюда, вот сюда...

Тропа петляла и местами была завалена ельником. По временам мне казалось, что мы шли прямо через чащу.

– Вам обязательно понравится у нас, – продолжала Джи Хе, – добраться сюда непросто, но вы даже не представляете, что вас ждет!

Она не смолкала весь остаток пути до лагеря. Признать, я не понимала и половины из того, что слышала. Катя, судя по ее отрешенному виду, и вовсе не слушала. Мы обе валились с ног от усталости и поэтому выдохнули, когда лес расступился, уступив место залитой лунным светом поляне, на которой возвышались постройки в традиционном корейском стиле.

Восемь домов-ханокв стояли по четырем сторонам света по два в ряд. Миниатюрные деревянные домики с островерхой крышей с загнутыми кверху углами и окнами, затянутыми рисовой бумагой, словно сошли с картинки «Загадочная и прекрасная Азия». Вокруг были еще постройки, но Джи Хе повела нас к одному из ханокв. В нос ударил запах кост-

ра: на площадке между домами было свежее кострище, вокруг которого стояло несколько низких деревянных скамеек. Еще пахло соевым соусом и кимчи – запахи, по которым в Москве легко отыскать корейский «щиктан» – кафешку.

Джи Хе поклонилась, приглашая нас войти в ханок. Мы поднялись на крыльцо, но, когда я попыталась втолкнуть чемодан в дом, она остановила меня:

– Оставьте все здесь, вы слишком устали, чтобы разбирать чемоданы.

– Но нам надо переодеться, – возразила я.

– Не волнуйтесь, я приготовила для вас все необходимое. А сумки я отнесу на склад. Разберете их завтра. У вас будет время для этого.

Спорить не было ни сил, ни желания. Мы оставили чемоданы у крыльца и прошли внутрь. На полу единственной – и довольно тесной – комнаты были расстелены два матраса, покрытые цветастыми простынями. На каждом лежала небольшая подушка, тонкий плед и комплект чистой одежды. Рядом стояли две пиалы с водой и лежали белоснежные полотенца.

Традиционный уклад накладывал свой отпечаток: туалета в доме не было. Джи Хе проводила нас к невысокому деревянному сарайчику, который стоял поодаль от основных построек, ближе к лесу. На подходе в нос ударил острый запах аммиака – даже в темноте найти это место было нетрудно. Оказавшись внутри, я увидела высокую деревянную ступень

с прорезью посередине. Первая мысль – заинстаграмить это чудо. Но усталость взяла верх.

Вернувшись в дом, я протерла лицо и грудь влажным полотенцем и переоделась. Комплект вещей, приготовленный для нас, состоял из черных тренировочных штанов и розовых футболок с надписью на корейском: «Молодость – сила будущего». Силы меня, казалось, покинули навсегда. Катя засопела, едва ее голова коснулась подушки, я тоже отключилась мгновенно.

Меня разбудил вой. Протяжный, сиплый, переходящий в стон. «Где я?» Сердце зашлось, как от быстрого бега. «Кто здесь?» По коже пробежали мурашки. Наконец глаза привыкли к темноте: никого. Катя спала, отвернувшись к стене. Действительно ли я слышала вой? Или мне приснилось? На бумажных окнах качались тени. До ушей не доносилось ни звука, кроме скрипа ветвей и вкрадчивого шороха листвы. Они и убаюкали меня.

День первый

Бом! Гулкий звук удара по металлу заставил меня подско-
чить. Бом! Бом!

– Доброе утро! – послышался с улицы звонкий голос Джи Хе. – Лагерь, просыпаемся! Всем доброе утро!

За окном было темно. Я попыталась нашарить рукой телефон, но хоть убей не помнила, куда сунула его.

– Чего так орать-то? – Катя терла заспанные глаза. – Сколько времени, вообще?

– Не знаю, – отозвалась я.

– Мы только легли! – негодовала сестра.

Я приоткрыла дверь и выглянула на улицу. Ночь уже прошла, уступив место предрассветным сумеркам. Где-то далеко за лесом по небу скользили красноватые отсветы.

Джи Хе снова ударила в гонг:

– Подъем! Подъем! Через пять минут все собираемся у дома новеньких!

Я быстро захлопнула дверь. В Катином рюкзаке нашлась расческа, и мы кое-как привели в порядок растрепавшиеся за ночь волосы и даже успели наскоро умыться до того, как зажглись фонари и на нашем крыльце началось движение.

Когда мы вышли, на пороге уже ждала Джи Хе и еще несколько человек. Остальные подходили, шаркая шлепанцами, надетыми на босу ногу, зевая и потягиваясь. Никого

здесь, похоже, не вдохновил такой ранний подъем.

Всего их было десять, не считая Джи Хе. Шесть парней и четыре девушки. Все примерно нашего возраста, по виду не старше двадцати, и одеты одинаково – в треники и футболки, различавшиеся только цветом: у девушек – розовые, у парней – синие. Джи Хе выступила вперед:

– Итак, сегодня у нас в лагере пополнение. Из России к нам приехали две замечательные девушки – Катя и Рая. Пожалуйста, девочки, представьтесь.

Я сглотнула подступивший к горлу ком. Сестра нашлась быстрее.

– Всем здравствуйте! – сказала она с поклоном. – Я – Катя, мне девятнадцать. Это моя младшая сестра Рая.

Она указала на меня, и я тоже поклонилась.

– Это не заметно с первого взгляда, но мы – двойняшки, – продолжила сестра. – Я учусь на врача, а сестра – будущий архитектор. Мы выросли в России, но наша мама из семьи этнических корейцев. Наш прадед в тридцатые годы двадцатого века воевал за освобождение Кореи от японской оккупации. Он возглавлял партизанский отряд. Когда японцы назначили награду за его голову, он вынужден был вместе с семьей скрыться в СССР. Там родилась наша бабушка. Позже она вышла замуж за деда – тоже эмигранта с Корейского полуострова.

Джи Хе кивала и улыбалась, слушая, остальные стояли не шелохнувшись. Когда Катя рассказывала о том, что корей-

ский язык не родной для нас и заранее извинялась за ужасное произношение, один из парней неприятно скривился. Высокий и мощный, как бык, в футболке, едва не трещавшей по швам на накачанном торсе, он выделялся среди остальных еще и обесцвеченными на манер кей-поп айдалов волосами, торчавшими в разные стороны. В его взгляде сквозила отталкивающая самоуверенность – про таких корейцы говорят «и от молнии прикурит».

Рядом с ним и чуть позади стоял парень пониже. Тоже крашенный, но в огненно-рыжий цвет. Парень то и дело потягивался, поеживался, переминался с ноги на ногу, как будто не мог и секунды устоять спокойно, да еще и жевал что-то. Я почувствовала, как засосало под ложечкой.

Когда Катя закончила, вперед вышли две девушки. Маленькие, неистово улыбающиеся, они по всем канонам азиатской мимимишности держались за руки. Ответное приветствие превзошло наши ожидания: девушки начали петь.

Это была своеобразная велкам-песня, смысл которой сводился к тому, что без нас все здесь были одиноки, и теперь всех нас вместе ждет новая жизнь. Девушки пели громко и старательно тянули высокие ноты. Джи Хе в такт размахивала длинными руками, словно дирижируя. Несколько раз она делала остальным знаки, пытаясь привлечь их к пению, но больше никто не присоединился.

Когда песня закончилась, повисла тишина. Спустя несколько секунд я наконец сообразила, что надо бы побла-

годарить девушек. И кроме дежурного «камсамнида» – «спасибо», я добавила фразу, которую корейцы обычно произносят при первом знакомстве, когда попадают в незнакомый коллектив. Дословно она переводится как «Позаботьтесь обо мне!» и означает, что новенький как бы вверяет свою судьбу окружающим его людям. Я произнесла ее с поклоном, обращаясь ко всем. В ответ поклонились только Жи Хе и девушки-мимимишки.

Снова повисла неловкая пауза, которую прервала Жи Хе, предложив остальным представиться. В соответствии с корейской традицией в этом, как и во всем остальном, преимущество имеют старшие. Старшим оказался плечистый блондин. Его звали Пак Чан Мин. Назвав свое имя, он лишь усмехнулся в ответ на наше «Приятно познакомиться!» и отошел в сторону. Да уж, сама вежливость...

Следом шаг к нам сделал рыжий парень, стоявший рядом с блондином, но его опередил другой, и крашеный отступил, зыркнув на того исподлобья. Подошедший был высоким и крепким. От него, как и от Чан Мина, веяло силой, но он не казался перекачанным. Копна иссиня-черных волос, прямые брови и мужественное широкое лицо. И – неожиданно – родинка на щеке. Со Ю Джон. Я знала, что запомню его.

Ю Джон поздоровался сдержанно, но вежливо. А следом подошел рыжий. Не прекращая жевать, он представился, перемежая слова чавканьем. У меня живот скрутило от голода. Нам Тэк Бом. Неприятное имя, как и он сам.

Один за другим представились все остальные. Большинство казались абсолютно равнодушными. Кланяясь нам, одни зевали, другие чесались, третьи ковырялись в носу. И конечно, спали на ходу. Искренне радовались нашему приезду, похоже, только мимимишки. Они подошли последними, и мы узнали их имена: Чон Су А и Кан Ха Енг. Джи Хе попросила их до завтрака провести для нас экскурсию по лагерю, и девушки охотно согласились.

Я решила, что на этом общий сбор был окончен, но не тут-то было. Джи Хе объявила начало «Церемонии приветствия», и все присутствовавшие разом выстроились в ряд спиной к нам. Заметив, что мы с Катей все еще стояли на крыльце, Джи Хе поманила нас рукой. Мы пристроились к остальным.

Только теперь я заметила фотографию в широкой деревянной раме, закрепленную на информационном стенде с противоположной стороны двора. С портрета улыбался пожилой мужчина с густыми, но абсолютно белыми волосами. Его улыбка напоминала мышечный спазм: улыбался только рот, а взгляд с прищуром из-под толстых, словно мохнатые гусеницы, бровей в тусклом свете фонарей казался хищным.

– Каждый день в лагере начинается с того, что мы приветствуем нашего лидера – Ким Тэ Хо, основателя молодежного движения и нашей общины, – пояснила Джи Хе, указывая на портрет. – Сегодня вы присоединились к нам впервые и поэтому пойдете в конце. Просто повторяйте за остальными.

Мы с сестрой наблюдали, как каждый из присутствовавших вслед за Джи Хе по очереди подходил к стенду с фотографией и кланялся в пояс.

– Вполне себе по-корейски, – шепнула мне Катя, – кланяться фотке!

Мы с сестрой подошли последними. Под взглядами остальных мы обе поклонились портрету, и Катя отрывисто хихикнула. Джи Хе сверкнула на нас негодующим взглядом, но промолчала. Мне стало не по себе.

«Церемония приветствия» завершилась, и нас ждала экскурсия по лагерю. Су А и Ха Енг начали ее тут же, у стенда. Рядом с фотографией был закреплен лист ватмана, расчерченный по дням недели. Расписание. Узким ровным почерком Джи Хе заполняла графы ежедневно, распределяя время на занятия танцами, тхэквондо и английским языком. Все классы вел кто-то из живших в лагере, и каждый день расписание менялось. Свободного времени почти не было. Уже сейчас все были чем-то заняты: одни подметали территорию лагеря, другие ходили по ханокам, собирая постельное белье для стирки, третьи помогали на кухне.

Постройка, которую занимала кухня, была оформлена в традиционном стиле и стояла в паре десятков метров от жилых домиков. От ханока, в котором нас поселили, она отличалась лишь большим размером и стеклами, заменявшими рисовую бумагу на окнах. Столовая находилась здесь же, в смежном помещении.

Здание опоясывал плотный ряд массивных глиняных чанов – несколько таких же я видела во дворе, рядом с нашим ханокком. Ха Енг рассказала, что в них хранятся заготовленные впрок соевый соус, соевая паста и кимчи. Значит, накануне я не ошиблась, уловив знакомые запахи. Теперь, когда я ощутила их вновь вперемешку с ароматами, тянувшимися с кухни, живот зашелся протяжным урчанием. Катя понимающе взглянула на меня – мы обе толком не ели уже почти сутки.

Рядом с кухней располагались склад продуктов и медпункт. Эти два здания отличались от других: вместо крыши-пагоды с загнутыми кверху углами у них были обычные покатые крыши, покрытые черепицей. Поодаль стояло здание администрации, в котором, как рассказала Су А, находился кабинет Джи Хе. Она жила там же, в небольшой пристройке. Все остальные размещались в ханоках таких же, как наш, – в каждом по два человека.

Последним мы увидели деревянный барак душевых, к которому примыкала прачечная. Он располагался сразу за кухней. До завтрака еще было время, и мы с Катей решили провести его в душе.

Хлипкая дверь с защелкой-крючком, запах отсыревшего дерева, выцветшие клеенчатые шторки и неровный напор прохладной воды – но и это казалось счастьем после наших ночных приключений. Су А выдала каждой из нас по четыре свежие футболки с надписью: «Молодость – сила будущего».

го». Все в лагере носили такие, как она объяснила, «чтобы почувствовать наше единство». Я сомневалась, что футболка способна помочь, но спорить не стала.

Тем временем Ха Енг принесла наши чемоданы и вместо безразмерных треников мы с Катей наконец-то натянули привычные джинсы. Разобрать вещи было решено уже после завтрака.

Мобильная связь не ловила, Интернета тоже не было. Меня беспокоило, что мы не могли сообщить родителям о том, что приехали в лагерь, – в последний раз я писала маме из аэропорта, сразу после прилета. Но Джи Хе сказала, что уже связалась с ней по телефону, указанному в анкете (подавая документы в лагерь, мы действительно оставляли контактные данные всех членов семьи). Джи Хе объяснила маме, что мы не сможем выйти на связь, и, по ее словам, та отреагировала спокойно.

Но на нашу просьбу купить нам местные сим-карты Джи Хе ответила отказом.

– По правилам лагеря, мы не пользуемся Интернетом и другими способами общения с внешним миром во время пребывания здесь, – сообщила она.

Вот это новости!

– Но в лагере действует внутренняя сеть для того, чтобы каждое утро вы могли получать перечень заданий на день, – добавила Джи Хе. – Я буду присылать его каждой из вас в какао-ток.

М-да... Мы с Катей обменялись взглядами, сказав все друг другу без слов.

«Ну что за?..» – закатила глаза сестра.

«Ты же знаешь, со своим уставом в чужой монастырь...»
– развела руками я.

«Да это не монастырь, а концлагерь какой-то!»

И все же придется потерпеть.

Первое время без Интернета я постоянно ловила себя на ощущении, будто часть меня потеряна. Привычка в любой ситуации тянуться в карман за смартфоном прошла не сразу, заставив помучиться осознанием собственной беспомощности. Я решила тогда, что корейцы вряд ли смогут придумать что-то более странное, чем это дурацкое правило, но я их недооценила.

Когда мы высушили волосы, было только восемь утра, а значит, встали мы не позже шести. Небо уже посветлело, но солнце не спешило освещать лагерь – плотная стена леса укрывала его тенью, оберегая, как тайну. Впереди ждал выделенный завтрак.

Пряный аромат защекотал нос, едва мы вошли в столовую, и рот мгновенно наполнился слюной. Нам пришлось подождать, пока все рассядутся, прежде чем занять места за длинным столом. Джи Хе сидела во главе, а мы оказались на отшибе, напротив Су А и Ха Енг.

Урчание моего живота не могло заглушить даже общее

«Приятного аппетита!». Спустя мгновение я уже жевала кимпаб – традиционный корейский ролл с говядиной и овощами. Мы с сестрой счастливо переглядывались, набивая рты смесью салатов из черных грибов, спаржи и ростков фасоли. Грибы забавно хрустели на зубах, спаржа была на редкость сочной, а фасоль довольно пряной.

Мы обе были знакомы с корейской кухней не понаслышке: у нас дома часто готовились традиционные блюда, а у мамы получалось фантастическое кимчи. Но теперь я могла поклясться, что в жизни не пробовала ничего вкуснее. Видимо, дело было в приправах, потому что даже самый обыкновенный соус кочудян, который готовится из перца и соевой пасты, здесь казался совершенно другим на вкус. Необычным его делал сладковатый привкус, который имела и вся остальная еда. В России даже в традиционных щиктанах не попробуешь ничего подобного.

– Жаль, нет морковки по-корейски, – шепнула Катя, и мы обе прыснули со смеху.

Су А вопросительно посмотрела на нас. Пришлось объяснить, что в России самым известным корейским блюдом считается тонко нарезанная морковь с чесноком и перцем, приправленная уксусом.

– Но мы не едим такого... – пожалала плечами Су А.

Мы снова засмеялись. Я рассказала, что морковка по-корейски – изобретение так называемых «советских корейцев» – эмигрантов, таких же, как наш прадед. Покинув родину,

они вынуждены были на новом месте готовить привычные блюда из тех продуктов, что были доступны.

– О, я хочу попробовать это! – теперь смеялась и Су А.

Изумительные паровые пирожки пегодя таяли во рту. Я не заметила, как опустела моя тарелка с рисом, но не решилась попросить добавки. Ха Енг, сидевшая рядом, похоже, заметила это, потому что тут же принесла новую порцию. Они с Су А отличные девчонки. Вообще, мне, похоже, начинало здесь нравиться. Вот что значит поесть!

Не только мы с Катей, но и все остальные за завтраком заметно оживились: болтали, накладывали друг другу еду, смеялись и дружно нахваливали повара – им оказалась Да Вун, студентка сеульского кулинарного колледжа. Она тарасила свои чересчур огромные для корейки глаза, демонстрируя удивление, хотя должна была бы уже привыкнуть к похвалам, – как сказала Су А, чаще всего готовила в лагере именно она.

Позже я узнала, что в подарок на школьный выпускной семья Да Вун вручила ей вожденный сертификат на блефаропластику, и ее широко распахнутые глаза были результатом операции. Вообще, многое из того, что я видела здесь, было не тем, чем казалось. Но тогда я и не догадывалась об этом.

После завтрака все разошлись кто куда, и у каждого было задание: выкос травы вокруг лагеря, мытье душевых и туа-

лета, заготовка хвороста для вечернего костра. Мы с Катей помогали Да Вун убирать со стола и мыть посуду. Су А тоже осталась с нами, а Ха Енг ушла сразу после завтрака.

– Сегодня она в клинике, – сообщила Су А, складывая тарелки в огромную раковину, – вернется только после ужина.

– В клинике? – переспросила я, не уверенная, что правильно расслышала ее из-за шума воды.

Су А кивнула.

– Завтра отправят Ан Джуна, потом меня, а потом, если потребуется, пойдете вы.

– Это что – волонтерство? – спросила Катя, счищая с тарелки остатки налипшего риса в пакет для органических отходов.

Су А с сомнением взглянула на нее, как будто не вполне поняв вопрос, но ответила прежде, чем Катя повторила его:

– Да... Да. Точно, волонтерство.

– И что, эта клиника находится где-то здесь? – удивилась я.

– Да, – вновь кивнула Су А. – Неподалеку.

– Надо же! Казалось, тут такая глушь...

– Рая, сходи, пожалуйста, за кимчи, – перебила меня Да Вун, проверявшая наличие продуктов для приготовления обеда. – Видела большие глиняные горшки на улице?

Я кивнула.

– Возьми из любого. Нужно, чтобы кимчи постоянно немного на воздухе. На обед будет суп кимчиччиге, когда его

готовят, дают кимчи немного подышать.

Я улыбнулась – мама тоже так делала. Да Вун выдала мне большую алюминиевую кастрюлю, которую мне предстояло заполнить острой капустой. Я вышла из кухни и прошла через столовую к выходу.

Но стоило мне ступить на крыльцо, как послышался лязг цепи и приглушенный рык, а затем, словно из-под земли, передо мной выросло нечто черное, косматое и настолько огромное, что кастрюля выпала из моих рук и, со звоном ударившись о ступени, покатила по земле.

Собака обнюхала кастрюлю и оскалилась, уставившись на меня. Я приросла к месту. Цепь тянулась из-за угла и свободно волочилась по земле – привязана ли она вообще? Я попятилась назад, но оступилась и чуть не упала, больно ударившись спиной о дверной косяк. Пес рванулся ко мне и, вскочив на ступени, зашелся лаем.

Я сжалась в комок, готовясь к худшему, но цепь вдруг натянулась, оттащив собаку назад: пес пятился, неуклюже переставляя лапы и царапая доски ступеней. Из-за угла, наматывая цепь на кулак, появился накачанный парень – Чан Мин. Его победоносное выражение лица не сулило ничего хорошего. Он пнул кастрюлю, преградившую ему дорогу, и она отскочила от крыльца, отлетев еще дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.